

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Иллюстрация на переплете *Юрия Щербакова*

Оформление серии *Анастасии Зининой*

Редактор серии *Анастасия Осминина*

Крамер, Марина.

К77 Умереть, чтобы жить. Журналистка из Изумрудного города / Марина Крамер. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-210821-1

Журналистка Вероника Стахова спокойно жила в Праге со своим маленьким сыном Максимом. В какой-то момент она поняла, что очень скучает по своей работе, и попросила старого приятеля, Игоря Яблокова, найти ей место в каком-нибудь издании в Москве. Работа нашлась моментально, и Вероника приехала в столицу, полная радостных ожиданий, оставив Максимку на попечение друзей. Она отлично вписалась в коллектив и в творческий процесс, но тут Алексей Бальзанов, владелец компании, которой принадлежало интернет-издание, поручил ей расследовать смерть жены своего партнера Сергея Луцкого Натальи. С этого момента спокойная жизнь Стаховой закончилась: за ней кто-то постоянно следил, в квартиру влезли злоумышленники, на любимого мужчину напали... Вероника стала частенько задумываться: а стоило ли вообще возвращаться к работе?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210821-1

© Крамер М., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ПРОЛОГ

— Кого мне напоминает эта рыжая телка?

— Какая?

— Да сидела на совещании рядом с Филоновым — крупная такая, волосы рыжие до плеч.

— Понятия не имею. Мне кажется, я ее раньше не видел.

— Ты-то, может, и не видел, а у меня в мозгу как будто дрель включили — ну, точно знаю ее, а вспомнить не могу.

— Далась тебе эта девка! Обычная журналистка, таких полно в Москве, причем есть куда более симпатичные и точно меньших размеров.

— Нет, погоди... я никогда просто так не зависаю на чем-то, понимаешь? И у меня совершенно определенное чувство, что я ее знаю и что от нее будут неприятности. А это не ее ли наш куратор рекомендовал?

— Вроде да, а что?

— Да не знаю. Мне все, кого он рекомендует, кажутся странными какими-то. И почему со мной-то никто не посоветовался хотя бы?

— А не было тебя на месте, вот и все. А утверждать надо было срочно, штат еще не полностью укомплектован, Филонову работники нужны.

— Ну-ну.

Человек вышел, затылком ощущая сверлящий взгляд компаньона. Едва закрылась дверь, хозяин кабинета взялся за телефонную трубку:

— Ты был прав. Он задергался. Я даже не знал, что эта девка твоя такая известная.

— А вы просмотрите на досуге список ее статей — сразу все поймете. Заодно и подумаете, нет ли чего такого, куда ей соваться не следует.

— Думаешь, она так серьезно может заинтересоваться?

— В том-то и дело. Я же вас сразу спросил — с какой целью вы ее хотите взять. Но поверьте — если я посоветовал взять эту девушку, значит, могу за нее ручаться. Она раскрутила аферу в «Изумрудном городе», если вам это о чем-то говорит.

Хозяину кабинета это говорило о многом. И не совсем о том, о чем было бы приятно думать. Но как раз это и давало надежду на то, что дело, ради которого он брал сейчас на работу эту девушку, будет раскручено так, как нужно лично ему.

Глава 1

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Прага хороша стабильностью. Ника поняла это, прожив здесь два с лишним года. Это та самая стабильность, которая делает существование необременительным, легким и спокойным. Каждое утро начинается одинаково — с тонкого луча, пробивающегося через желтую газовую штору на скошенном окне мансарды. Встать, подойти к окну, взять стоящую на подоконнике лейку, если дело происходит весной и летом, открыть створку и полить цветы в ящике. На цыпочках подойти к кроватке, убедиться, что сын еще не проснулся, мирно посапывает, раскинув в стороны ручки с крепко сжатыми кулачками. Выйти из спальни, плотно закрыть за собой дверь, постоять под душем и заняться варкой кофе, одновременно прислушиваясь к бормотанию диктора, читающего новости по телевизору. Чешский стал почти родным, благо одна языковая группа, так что особенных сложностей не возникло. Устроиться на диване с чашкой кофе и ноутбуком, посмотреть почту, новости из России, пробежаться по любимым сайтам — а там, глядишь, проснется

сын и начнутся другие заботы — сварить кашу, подогреть молоко, умыть и переодеть мальчика, усадить за стол в высоком стульчике, дать ложку и наблюдать, как он завтракает. Потом немного поиграть с ним, собраться на прогулку, на обратном пути зайти в супермаркет за продуктами, приготовить обед, уложить сына на дневной сон — и так каждый день. Нет, это не день сурка вовсе, такая жизнь Нику вполне устраивала. Если бы не одно но.

Деятельная и шустрая от природы, Ника Стахова оказалась в чужой стране без работы, хотя и с деньгами. И если первое время, пока ходила беременной, рожала и растила Максимку, это не было проблемой, скорее наоборот, то теперь, когда мальчик достаточно подрос, наличие свободного времени стало тяготить Нику. Ей хотелось писать — как прежде, занимаясь журналистскими расследованиями и немного — сферой недвижимости. И именно сегодня утром это желание стало особенно острым, таким, что преодолеть его Стахова просто не смогла.

Скука, рутина, тоска — именно эти слова пришли на ум сегодня, едва Ника открыла глаза. Ей хотелось драйва, движения какого-то, интриги — всего того, что в избытке имелось в ее прошлой журналистской жизни. Хотелось риска, связанного с расследованиями, возможности закручивать интригу, искать доказательства и строить умозаключения. Вероника ухитрялась делать это виртуозно, а легкий слог и умение написать интересно даже о, казалось бы, довольно скучных вещах всегда делали ее заметной в журналистской среде. Разумеется, в Праге это было невозможно. Но вот в России...

У нее был единственный шанс попытаться вернуться в журналистику — Игорь Яблоков, давний друг и бывший парень. Это был, пожалуй, тот редкий случай, когда Ника рассталась с молодым человеком по-дружески, оставшись в прекрасных отношениях. Они часто помогали друг другу в Москве, куда переехали из родного Омска в разное время. Игорь, работавший в одном из крупных медиахолдингов, очень ценил Нику как журналиста, а его протекция всегда имела вес в журналистской среде.

После обычных формальностей в стиле «как живешь, как дела, давно не созванивались» Ника со свойственной ей прямоотой сразу перешла к делу.

— Тебе что, так срочно нужна работа? — удивленно спросил Яблоков. — Как я понял, ты внезапно стала богатой вдовой, разве нет?

Ника вздохнула:

— Вот ты вроде умный человек, Игореша, а иной раз такую чушь в эфир выдаешь, что стыдно слушать. Я даже замужем не была — как могу остаться вдовой?

— Ну, сына же ты родила? — не сдавался Яблоков.

— Сына — родила, а замуж так и не вышла. Какие еще подробности моей личной жизни тебя интересуют? — начиная злиться, спросила Ника, стараясь все-таки удержаться от хамства, — без связей Яблокова ее, прожившую три года в Чехии, работать в российское издание не возьмут.

— Подробности мне не нужны. Но ходил упорный слух, что Гавриленко успел куда-то перевести все средства, которые у него имелись к тому дню, как случилась эта авария.

Авария... Меньше всего Нике хотелось вспоминать обстоятельства гибели Максима. И деньги, которые он действительно перевел на счета в зарубежных банках на ее имя, она не трогала. Выделила для себя и сына сумму, достаточную, чтобы жить в Праге, ни в чем себе не отказывая, но без особых излишеств, а к остальному просто запретила себе прикасаться. Хотела, чтобы сын, когда вырастет, сам распорядился этими средствами — он имел на них право по рождению. Единственный сын погибшего олигарха Максима Гавриленко...

Правда, отец Максима, Алексей Павлович, буквально измором убедил Нику открыть небольшое агентство, занимавшееся арендой и продажей недвижимости в Чехии. Рынок нашелся быстро — Россия. Интерес к этой стране был довольно высоким, и Ника, наняв трех агентов, секретаря и курьера, стала немного зарабатывать, не прикасаясь больше к основному капиталу.

— Игорь, мне трудно говорить на эту тему. Денег у меня нет — в том смысле, который ты в это вкладываешь. Да, я не стою на паперти, держа на руках синюшного от голода младенца, но и покупать бриллианты и яхты мне не на что. Так понятно?

— В Россию вернуться хочешь?

Ответа на этот вопрос у Ники тоже не было. Не то чтобы она страстно мечтала вернуться в Россию — ей и в Праге было хорошо. Но сидеть без нормальной работы тоже надоело. Претендовать на место журналиста в Чехии она не хотела и не могла — все-таки ее чешский был не настолько идеален, чтобы писать на нем статьи

о недвижимости. Да и что она об этом знала? Только то, как попытаться продать что-то интересующимся русским покупателям или помочь туристам снять что-то на определенный срок за не особенно большие деньги. В идеале ей нужна была работа «на удаленке», что-то вроде фриланса — без необходимости походов в офис, но Ника понимала, что сейчас находится не в той ситуации, чтобы выбирать или диктовать условия. Значит, придется согласиться на все, что сможет предложить Яблоков.

— Ты сможешь в Москву приехать? — изрек наконец Игорь после паузы. — У тебя же вроде двойное гражданство теперь?

— Да, двойное. Только мне надо сына с кем-то оставить — не хочу мучить перелетами. Но это я решу.

— Значит, давай так... Пары недель хватит?

— Нет. Не меньше месяца, — вздохнула Ника, чувствуя, как вакансия уплывает из-под носа.

— Ну, это нормально. Дело в том, что у меня один знакомый сейчас устроился в только что запущенный проект. Одна небольшая и небедненькая фирмочка решила завести собственное интернет-СМИ. Ну, вот такая прихоть у них. Со временем хотят телевидение, канал и все такое — в общем, планы громадные. Главным редактором там один очень хороший человек, на досуге поинтересуйся — он известный в Сети персонаж. Зовут его Федор Филонов. Ну, вот мой знакомый к нему и устроился, они как раз команду заново набирают, с нуля практически. И им все равно — мужик ты или баба, главное — чтобы писать умела и хотела работать. Резюме же есть у тебя?

— Конечно, есть. И примеры работ я тебе тоже пришлю.

Яблоков захохотал:

— Да есть у меня кое-что из твоих работ, даже в нескольких вариантах.

Ника снова вздохнула. Самая последняя ее работа — огромная статья-расследование деятельности вице-президента компании «Изумрудный город», которую возглавлял в свое время Гавриленко. Ника написала ее уже после гибели Максима — хотела отомстить, не дать виновным в его смерти уйти безнаказанными. Эффект получился немного не тот, на который она рассчитывала, но все равно вышло неплохо — троих арестовали и осудили на большие сроки, а главный фигурант, крестный отец Максима Иван Никитич, успел отравиться цианидом, но статья наделала много шума. Как, впрочем, и вышедшая чуть раньше статья о деятельности бывшего любовника Ники, главного редактора газеты «Столичный хроникер» Артема Масленникова. Собственно, к появлению этой статьи тоже был причастен Гавриленко — Масленников, получивший крупную сумму денег, пытался опорочить его имя и еще втянуть в это саму Нику, но она сумела вывернуться и предупредить Максима. Артем Масленников погиб в Америке, куда уехал, опасаясь преследования. Ника старалась об этом тоже не думать, как и о смерти Максима.

— Если необходимо, можешь это тоже показать, — сказала она, — но я так понимаю, что мне нужно будет с кем-то встречаться?

— Да — с Филоновым. Он любит сам разговаривать с потенциальными сотрудниками. Но ты

не бойся — говорят, что он очень адекватный, хоть и требует жестко.

— Да я как-то не боюсь, — Ника пожала плечами и потянулась к пачке сигарет на подоконнике.

Она вновь начала курить пару месяцев назад, правда, делала это нечасто. Сигарета помогала ей сосредоточиться и настроиться на рабочий лад.

— Ну и молодец, — заключил Яблоков. — Давай тогда так договоримся — ты решаешь свои проблемы, устраивай мальчика, а я пока передам все твои материалы Филонову. Он посмотрит и назначит встречу. Или не назначит — все может быть.

Ника это прекрасно понимала. Ситуация в журналистике сложилась такая, что рабочих мест оказалось куда меньше, чем желающих их занять, и даже именитые журналисты зачастую оказывались без работы и перебивались «джинсой» и прочей «заказухой», чтобы как-то выжить. И вполне могло выйти так, что этот самый Филонов не найдет в ее статьях ничего интересного или подходящего для его издания, и тут ничего не поделаешь, нужно просто быть готовой.

Попрощавшись с Игорем, Ника отложила телефон и задумалась. Вернуться к тому, чем она занималась до рождения сына, очень хотелось. Профессию она любила, отдавалась делу полностью, умела взять интервью и написать хорошую статью-расследование, умела разговорить практически любого человека и потом подать его в любом свете — как требовала политика издания. Но за три года, проведенные в Чехии, она

все-таки слегка отвыкла от российских реалий. А там сейчас совершенно иная жизнь, чем та, которую она помнила. Алексей Павлович, например, много лет не был на родине и не стремился туда, хотя Ника пару раз заговаривала с ним об этом.

— Нет, Никуша, я придерживаюсь правила — никогда не возвращайся в прежние места, — отмахивался он. — Да и к кому ехать, куда? Вся моя родня здесь — ты и внук. Друзья, как ты понимаешь, отвернулись в тот момент, когда я решил не возвращаться. Так какой смысл ехать куда-то?

— Разве вам не интересно? — приставала Ника, если видела, что старик не против этого разговора.

— Нет, — абсолютно серьезно отвечал Алексей Павлович, — мне гораздо интереснее здесь, с вами. У меня появился смысл в жизни — хочу увидеть, как внук в школу пойдет.

— Ну, это вы точно не пропустите.

Но в ответе Ники было все меньше уверенности — сердце бывшего военврача находилось в довольно плачевном состоянии, и ее это очень беспокоило, но Алексей Павлович отмахивался всякий раз, когда она заводила разговор о том, чтобы лечь в больницу.

Разумеется, о том, чтобы оставить маленького Максима на попечении бабушки даже на неделю, речи быть не могло. Конечно, Алексей Павлович справится, но Ника понимала, что не сможет чувствовать себя нормально, постоянно думая о том, как они здесь вдвоем. О том, чтобы попросить приехать свою мать, она тоже не думала — та ни за что не пойдет навстречу до-

чери и не бросит молодого супруга ради внука, которого она ни разу не видела, разве что на фотографии. Алексей Павлович ошибся, говоря о том, что со временем отношения Ники с матерью наладятся — этого не произошло. Стахова сделала над собой усилие и после родов позвонила матери. Вместо поздравлений и радости по поводу появления на свет внука та обрушила на дочь лавину упреков. Ника не стала выслушивать, поступила так, как делала всегда: вежливо попрощалась и положила трубку. Так что рассчитывать на помощь матери не приходилось.

Оставался только один возможный выход — Ирина и Иржи, ее друзья здесь, в Праге. Ирка вообще была ее единственной подругой еще с детства, они никогда не теряли связи, даже когда Ирина перебралась жить сперва в Испанию, а потом сюда, в Прагу. Ника до сих пор считала себя виновной в том, что три года назад Ирина едва не погибла в ее квартире при взрыве газа, потеряла зрение и вот уже который год периодически ложится в клинику пластической хирургии для пересадки кожи. Подруга, однако, так не считала — у нее была своя теория насчет «кирпича, падающего с крыши в строго назначенное время», и потому всякий раз она злилась на Нику, заводившую разговоры о своей вине.

— Вот к чему это ворошить? Со мной все практически в порядке, — говорила Ирина, беря Нику за руку, — лицо уже почти совсем починили, один глаз немного видит — значит, и второй со временем тоже хоть чуть-чуть восстановится. Я научилась с этим жить. И не вижу причин для твоих терзаний.

Переубедить подругу Нике никогда не удавалось.

Она любила бывать в их с Иржи доме — уютном, светлом, обставленном белой мебелью. Маленький Максим тоже с удовольствием ходил в гости — Иржи посвящал ему все свое свободное время, так как был лишен возможности общаться с собственными детьми. Его жена вновь вышла замуж и уехала из Чехии, а Иржи, сильно тосковавший по дочкам, переносил свою любовь на сына Ники. Получалось, что иного выхода, кроме как попросить друзей об услуге, у нее нет, а друзья совершенно точно не откажут.

Сын проснулся и требовал внимания. Ника вошла в детскую, переделанную из кабинета, и улыбнулась: Максимка стоял в кровати, зажав под мышкой плюшевую собачку, а свободной рукой давил на кнопку звонка, прибитого рядом с кроваткой на стеллаж. Это было изобретением Алексея Павловича — квартира у Ники просторная, и не всегда она могла услышать, что ребенок проснулся, а Максим при помощи деда быстро научился нажимать кнопку звонка.

— Ну что — уже выспался? — улыбнулась Ника, беря сына на руки. — Будем пить молоко с печеньем и потом пойдем гулять?

Сын улыбался и кивал, крепко обняв ее за шею, и Ника, как обычно, ощутила острый приступ тоски — ее мальчик никогда не увидит своего отца, никогда не узнает, каким он был.

Усадив Максима в высокий стульчик, Ника поставила перед ним кружку с молоком и блюдце с овсяным печеньем, села напротив и снова задумалась. Она никак не могла понять, с чего

вдруг позвонила Яблокову и попросила помочь с работой. Просто сегодня утром, проснувшись, она вдруг ощутила непреодолимое желание вернуться в журналистику и хоть немного оживить свою повседневную жизнь, начавшую походить на пресловутый день сурка. Вот так — внезапно, ни с того ни с сего.

— Алло, вы просили посоветовать вам журналиста, способного быстро и, главное, результативно провести расследование?

— А, это ты... Да, просил. Неужели нашел?

— Нашел. Такая удача, даже сам не ожидал. Звонит знакомая, просит помочь — вот тут я и вспомнил о нашем разговоре.

— Женщина?

— А вы что-то имеете против?

— Нет, но...

— А вот вы не сомневайтесь. И потом — мне кажется, что в вашей ситуации как раз женщина больше подойдет. Так что — могу звонить Филоннову?

— Хорошо. Звони. И это... обойди как-то Вересаева, хорошо? Он пока не должен знать.

— Не представляю, как именно. Он все-таки ваш представитель в редакции.

— Это не мои проблемы. Придумай что-нибудь, но Вересаев пока не должен быть в курсе.

— Хорошо, я попробую.

Глава 2

МНОГИЕ ПЕРЕМЕНЫ — МНОГИЕ ХЛОПОТЫ

В последних числах мая Ника, оставив сына на попечении Ирины и Иржи, наконец-то собралась в Москву. Планировалось, что она уедет на месяц — решит все вопросы по трудоустройству и определится с тем, как именно сможет работать. Если придется, то снимет квартиру в Москве и вернется за сыном. Правда, Иржи настаивал на том, чтобы сначала Ника как следует устроилась сама, а уж потом забирала Максима.

— Подумай хорошо — тебе ведь непременно нужна будет няня, не сможешь ведь ты брать Макса с собой на работу? И в детский сад ты его тоже вряд ли устроишь без московской прописки. А у нас ему будет хорошо. Мы летом собирались на море, могли бы и его с собой взять.

— Мне и так неудобно, что я оставляю вам такого маленького ребенка, а ты еще про море заговариваешь, — смущенно сказала Ника, которую такой вариант, конечно, устраивал больше,